

Софья Шавир

ВМЕСТЕ С ВЕКОВОМ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Софья Шавир

**Вместе с веком.
Мои воспоминания**

«Издательские решения»

Шавир С.

Вместе с веком. Мои воспоминания / С. Шавир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503735-0

От автора: Сегодня 6 сентября 1998 года. Вчера мы отпраздновали юбилей моей единственной и любимой дочери. Было торжественно и красиво, а главное, я увидела, что дочь пользуется уважением и любовью всех собравшихся ее друзей. Именно вчера она и внучка попросили меня написать о себе: детство, юность и последующие годы моей жизни — полную биографию. Я им обещала. Всякое начало трудно! Никогда не писала мемуаров, но попробую! Чего не сделаешь для дорогих тебе людей!

ISBN 978-5-00-503735-0

© Шавир С.
© Издательские решения

Содержание

Ливны	6
Революция	8
Ленинград	10
Университет	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вместе с веком Мои воспоминания

Софья Шавир

© Софья Шавир, 2019

ISBN 978-5-0050-3735-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ливны

Я не помню своего раннего детства. Первые мои воспоминания – это маленький город Ливны Орловской губернии. Мне восемь лет, я четвертый ребенок в семье. Старшая сестра Сима – гимназистка, брат Мотя, сестра Эмма.

У нас большой дом, сад, есть корова, лошадь. Родители имеют мануфактурный магазин. Мама там и хозяйка и продавщица. Ловко отмеряет мануфактуру, умеет уговаривать покупателей. Она небольшого роста, но хорошо сложена, умная, быстрая. Папа красивый мужчина, часто в отъезде – закупает товар. Имея образование не более четырех классов легко справляется с бухгалтерией, все считает в уме. Они как один человек. Дружны, очень любят друг друга и все решают совместно.

Дома хозяйничает прислуга, кухарка, и дворник, который смотрел за скотиной и садом. Мама и папа работали целый день, а вечером садились считать выручку. Куры, индюшки покупались только живые, специально откармливались. Меня до сих пор иногда преследует неповторимый аромат маминого куриного бульона – такого я больше никогда не ела. Так шла жизнь, родители очень много работали, а мы – дети жили сами по себе.

С нами жили дедушка и бабушка – родители папы. Дедушка с красивой белой бородой – раввин, глубоко верующий. Почти все время он проводил в моленной, где обучал детей. Бабушка тихая, покорная, бессловесная. При жизни дедушки в доме сохранялся полный кашрут. Посуда делилась на мясную и молочную, также как и ложки, вилки, кастрюли. Не дай бог одним и тем же ножом отрезать масло и мясо! Всё очень строго соблюдалось. Обед на субботу готовился в пятницу в русской печи, которая закрывалась крышкой (специальной железной дверкой с ручкой) и замазывалась глиной. Обычно готовились очень вкусные вещи: кугель, челн, жаркое из жирной грудинки говядины или теленка, цимес и другое. В субботу все это было коричневого цвета и очень, очень вкусное.

Однажды мне кто-то дал кусочек колбасы и я пришла с ним домой. Дедушка увидел, что я принесла, закричал, возмутился: как я могла взять в руки и еще есть «хазер». Велел мне немедленно выбросить свинину, а сам схватил меня между ног и стал снимать ремень, но тут подошел папа и отнял меня у него. Такие порядки были в доме, пока был жив дедушка. Умер он в возрасте девяноста лет и вскоре, почти одновременно с ним, умерла бабушка. В доме после их смерти уже не соблюдались так строго еврейские обычаи.

Запомнился мне на всю жизнь один из праздников «ём кипур» или, как у нас говорили «инкипер». Согласно традиции, накануне этого дня над головой каждого члена семьи вращали живую курицу, произнося молитву, и приносили ее в жертву. Это называлось «капарес». В ём кипур, после целого дня поста, на столе стояло большое блюдо отварной курятины. Дедушка и бабушка были еще в моленной. И вдруг в дом с саблями и хохотом вошли «махновцы». Мама не растерялась и сразу пригласила их к столу, поставив бутылку водки. Они наелись, напились и полупьяные ушли. Но мама сказала, что это только начало. Они явятся снова. И действительно на следующий день Сима увидела в окно, что они идут снова. Мама, еще молодая и красивая женщина, боясь насилия над собой, сказала нам: дети, если будет плохо, кричите и я приду, но сейчас я должна спрятаться. Она вышла через черный ход. Бандиты с обнаженными саблями, с криками: «ну жиды, вынимайте золото!» подошли к бабушке. Они держали саблю над ее головой, я помню, как дрожала от страха. Старшая сестра обняла нас троих

и просила молчать. Затем саблями бандиты порубили все картины висевшие на стенах и взялись за подушки. За несколько минут комната наполнилась пухом, трещали наволочки перин и подушек. Перебив посуду, что встретила на их пути, ушли.

Эти сцены запечатлелись на всю жизнь. Мама спаслась, а вот соседку, которая не успела уйти, изнасиловали и убили.

Родители были богатыми людьми, но когда я просила копейку или даже грош на леденцы, мама отказывала. Дома у вас есть все, нечего тратить деньги – говорила она. Папа потихоньку от нее давал нам иногда несколько копеек. За копейку можно было купить пакетик леденцов. Вся жизнь их была работа, накопление денег, без отдыха и передышки. Хорошо помню, что каждый вечер, когда из стада пригоняли корову, я подходила с большой кружкой и мне наливали теплое, с пеной парное молоко. А с мая месяца мы – дети ходили к соседке пить козье парное молоко. Мама считала, что майское козье молоко более полезно. Возможно, именно этому молоку я и обязана своим здоровьем.

Мне уже около девяти лет, а старшей сестре Симе семнадцать. Она влюблена в русского парня Лешу Веретенникова. Сестра меня любила, доверяла мне, и я стала у них почтальоном. Я носила записки от одного к другому. Местом их свиданий было кладбище. Оно было зеленое, всегда тихое, красивое и располагалось около железнодорожного вокзала. Роман этот продолжался уже более года. Записок их я не открывала и не читала, но одно из писем мне показалось заклеенным более тщательно и что-то меня толкнуло вскрыть его. Прочитав его, помню, присела на камне около какой-то могилы удивленная и испуганная. Леша писал: «...мы любим друг друга, но здесь у нас нет будущего. Твои родители никогда не согласятся на наш брак. Если ты наконец решилась на то, о чем мы много говорили, то давай действовать. Завтра в шесть утра отходит скорый поезд на Воронеж. Я с вещами буду ждать тебя на вокзале уже с пяти тридцати. Много вещей не бери, у меня есть деньги для начала жизни. Впереди у нас любовь и счастливая жизнь. Если ты любишь меня так, как я тебя, надеюсь, что ты решишься на этот шаг. Алексей.»

Интересно, что через столько лет я помню это письмо почти дословно. Письмо меня ошарашило. Долго я думала, как поступить. Не хотелось предавать сестру, но ещё больше не хотелось её потерять. Я беспокоилась за её будущее, жалела родителей и... решила показать письмо маме. Она прочла письмо и сказала спокойно: ты, Соня, не беспокойся. Только молчи! Ни звука ни кому! Ни о чем меня не спрашивай, я справлюсь сама.

Несмотря на все волнения я ночью крепко спала, а когда проснулась, увидела на соседней кровати рыдающую Симу. (Мы трое – Сима, Эмма и я имели одну спальню). Оказалось, что придя на вокзал, Сима узнала, что скорый поезд ушел полтора часа назад. Она опоздала. Наша предприимчивая мамочка во всем доме перевела часы назад. Призналась она в этом только несколько лет спустя, когда у Симы был уже новый роман и с евреем.

Семья наша считалась богатой и была уважаема. Дом из семи комнат, большой фруктовый сад, мануфактурный магазин. Раз в неделю на красивой повозке, запряженной парой лошадей, мама ездила на базар. Покупки делались крупные – по много фунтов и даже пудов. Все хранилось в хорошо оборудованном погребе. Там можно было найти всегда круглые, с красной корочкой, головки сыра, засоленные коровьи языки, головы сахара, мешки муки, бочки с засоленными арбузами, огурцами и многое другое. Мама была отличной хозяйкой и не умела покупать немножко. Бедняк всегда переплачивает – говорила она.

Революция

Время шло. К сожалению, не сохранились в памяти даты, помнятся лишь факты. Однажды, среди ночи всех разбудил громкий стук в дверь. Пришли люди в штатском, но с ордером на арест. Они описали все имеющееся в доме и сам дом, запретили что-либо выносить, как уже не принадлежащее нам, а папу арестовали и увели с собой. Утром мама увидела, что наш магазин тоже опечатан. Её заставили по акту сдавать всю имеющуюся в магазине мануфактуру. Рулоны шелка, бархата, сукна и других тканей измерялись и сбрасывались в контейнеры. Не один день мама работала с метром с утра и до вечера, и ей удалось за это время вынести за пазухой остатки некоторых материалов, кажется, целый чемодан.

Папа сидел в тюрьме шесть месяцев, свидания власти не разрешали. Потом объявили, что он высылается в город Тобольск сроком на пять лет, после которых не сможет жить в центральных городах России.

Когда будущих ссыльных, еще недавно достойных и уважаемых граждан, подвели к поезду, их окружила полиция и родным не разрешили с ними проститься. Это было ужасно! Мы все плакали, пытались подать отцу знак, но смогли увидеть его только на мгновение. Бедный наш добрый милый папа!

Новая власть забрала у нас все. Через неделю мама сказала, что все мы едем туда, где будет папа. К тому времени уже родились Сара, Мотя и Петя и у мамы на руках было пятеро детей. Старшая сестра Сима в это время училась в институте в Воронеже. Там она встретила со своим будущим мужем Евзоровым Залей. Он был высоким, красивым и, главное, евреем. Они поехали вместе с нами.

Помню наш убогий багаж – связанные в узлы подушки и одеяла, чайники, кастрюли и чемодан с остатками прежнего богатства. Ехали вначале поездом, а потом до Тобольска паромом. Тобольск оказался маленьким городком, где люди не ведали о существовании железной дороги. Нижняя часть города располагалась на берегу могучего Иртыша и длинная деревянная лестница вела к верхнему городу. В конце лестницы стоял, окруженный толстыми цепями, памятник Ермаку. Тротуаров не было. На главных улицах для пешеходов были проложены доски. После дождя и ли таяния снега грязь была непролазная. Зимы суровые, 40-5- градусов.

Жить было тяжело. А, главное, папу мы уже не застали. Его направили по этапу в Самарово, а потом через каждые три месяца меняли место его пребывания. Он рубил лес и за все пять лет мы его ни разу не видели. Кормились мы разными занятиями – варили мыло, варили конфеты, а потом мама дала объявление: «даю еврейские обеды». И у нас столовались десять – пятнадцать человек ссыльных. Около них и мы были сыты.

Помню страшные картины, когда через Тобольск стали проезжать ссыльные кулаки. Друг за другом по морозу пятьдесят градусов ехали сани. Их было очень много. Замерзшие люди иногда стучали в двери, просились погреться или кормящая мать просила впустить ее покормить грудью ребенка. Но это было строго запрещено. Порой люди плакали по обе стороны дверей. Мы с болью смотрели в окно на людей гонимых в далекую Сибирь на верную гибель.

Сима с Залей жили отдельно недалеко от нас. Сима была беременна и в скорости ждала ребенка. Однажды мы с мамой и Эммой пошли в баню и увидели там Симу. Она сидела на ска-

мейке спиной к нам и нас не заметила. Из-за густого пара была плохая видимость. Я подошла к Симе и отпрянула. Вся её спина была в синяках и царапинах. Я, испуганная, побежала к маме. Для Симы эта встреча была неожиданной и нежеланной. Она скрывала от нас, что ее муж, этот долгожданный еврей, был настоящий садист. Теперь, когда мы увидели её истерзанное тело, ей пришлось рассказать нам правду. Мама заверила Симу, что избавит её от этого страшного человека, а ребенка возьмет к себе. Где шесть детей, там будет и седьмой. Назавтра мама как следует поговорила с Залей, предложила ему в течении суток убраться из Тобольска и навсегда забыть о Симе. Заля уехал и мы больше никогда о нём не слышали. Начав рассказ о сестре, я пожалуй доведу его до конца. Сима родила мальчика. Назвали его Марком. Это был ангел, а не ребенок! Он родился с черными кудрявыми волосами, с необыкновенными глазами, которые меняли увет от зеленого до сине-голубого. Спокойный, улыбчивый. Видно такому ангелу место было только на небе! Он спал в кроватке, которая стояла на палках похожих на лыжи, только поднятых кверху. Когда ребенку было около девяти месяцев случилось несчастье. Сима, читая книгу, ногой раскачивала кроватку. Кроватка перевернулась и ребенок ударился об пол головой. Что ни делали, спасти этого ангела не удалось. Сима, да и все мы тяжело пережили смерть мальчика.

Однако жизнь берет свое. Года через два Сима встретила с сибиряком Зубковым Александром Александровичем. Он был очень образованным интеллигентным человеком, приятным и обаятельным. Мама на этот раз не вмешивалась. За хорошую работу папу освободили досрочно, мы уехали, а Сима осталась с мужем.

Мы поселились в городе Полоцке. Жили в страхе, что кто-нибудь узнает, что мы бывшие ссыльные. Это и позорно и закрывает для нас – детей все дороги. Квартира в Полоцке – три комнаты, керосиновая лампа, деревянное корыто, русская печь. Папа пошел работать столяром. Мама завела огород, купили корову. Мама сама пекла хлеб в русской печке, месила его в деревянной кадке, и нам хватало вкусного хлеба с тмином на неделю. Такого вкусного хлеба, как мамин, я никогда больше не ела. Она вставала в четыре утра, топила печь, варила обед (таких вкусных обедов, как у мамы, я тоже больше не ела). К субботе пекла халы и любила дать кому-нибудь подержать халу в руке – «смотрите, она ничего не весит!». По утрам на столе стоял самовар, своё масло, свой творог и коричневое топленое молоко из русской печки. Мама была удивительный человек. Она все успевала сама: стирка, уборка, огород, корова, семья. Папа её обожал и жили они очень красиво.

Ленинград

В Полоцке я закончила семь классов. Там учиться было больше негде и мне очень захотелось поехать в Ленинград (Это не так далеко) и поступить в техникум. В Ленинграде жила дальняя родственница. Родители знали, что она не согласится меня приютить. Но я не давала им покоя, плакала, просила отпустить меня. Папа, чтобы сохранить покой и тишину в семье, сказал маме: Ладно, пусть она посмотрит Ленинград. Я дам ей пятьдесят рублей (тогда это были большие деньги), она их истратит и вернется домой.

Двоюродная тетя встретила меня не очень доброжелательно и разрешила пожить у неё не более двух недель. Я разыскала и посетила несколько техникумов, но так как тогда мне ещё не исполнилось четырнадцать лет, мне везде отказали. На бирже труда, куда я попала простояв восемь часов в очереди, мне предложили пойти в швейный фабзауч. Я не умела и не любила шить и просила что-то другое, он за отказ от предложенного меня сняли с учёта на шесть месяцев.

Я решила ни за что не возвращаться домой и доказать себе и родителям, что я на что-то способна. Но увы ...не было ни жилья ни работы. Случайно познакомилась с еврейским парнем Додей. Он был вдвое старше меня, пожалел меня и проникся желанием помочь. Он повел меня к своей приятельнице в надежде на её помощь.

Лида, так звали его подругу, жила в четырнадцатиметровой квартире с двумя сыновьями двух и четырех лет. Она предложила мне жить у неё при условии, что по утрам я буду отводить её сыновей в садик и ясли, а вечером приводить домой. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Спала я под обеденным столом, куда Лида клала матрац – другого места не было. Дети были капризы и было тяжело с ними справляться. Одного несла на руках, а другого таскала за руку. К счастью детский сад и ясли были не далеко от дома.

Как-то возвращаясь из садика по Невскому проспекту, я прочла объявление, висевшее неподалеку от Казанского собора: Союзу строителей требуется уборщица. Канал Грибоедова 20. Я сразу туда отправилась. Группком союза строителей занимал одну комнату, и сотрудников было четверо. Начальник по фамилии Поляков, бухгалтер и две сотрудницы. Услышав о моем желании получить эту работу все повставали с мест и окружили маленькую девочку. Ростом я действительно не удалась, да и худа была. Не помню, что я врала о своем сиротстве, безвыходном положении и обещала очень стараться. Короче, удалось уговорить Полякова (очень хороший и добрый он был человек) и меня приняли на работу с окладом сорок рублей в месяц.

Отведя детей, в семь утра я бежала на свою работу и у девяти, к приходу сотрудников, на столах был порядок, пол был вымыт. В течении дня выполняла разные поручения, как говорить, была на побегушках. В двенадцать часов был обеденный перерыв, и я бегала в ближайшую столовую. Все мне казалось вкусным и за семдесят-восемдесят копеек я вполне наедалась. Родителям писала, что всем довольна, работаю, в помощи не нуждаюсь, а на следующий год буду поступать учиться.

Началась зима. Поляков вручил мне ключи от сарайчика, где лежали дрова и просил с завтрашнего дня протапливать печь. Никогда раньше мне не приходилось топить печь и я примчалась на следующее утро как можно раньше. Вынесла во двор несколько толстых поленьев дров, топор. Попыталась разрубить их, но у меня ничего не получилось. Вышла на улицу,

среди проходивших мимо увидела рабочего парня и упростила (иначе меня уволят с работы) наколоть мне дров. Принесла дрова, сложила в печь, но разжечь их мне не удалось. Поляков пришел первым, увидел мою неудачу. Из полена дров он наделал лучинки, показал мне, как их нужно расположить, чтобы они разгорелись и растопил печь.

У меня появилась проблема. Целый день я думала о том, что если не научусь рубить дрова, потеряю работу. Работа была для меня очень важна, я хотела быть самостоятельной и не просить помощи у родителей. Когда закончился рабочий день, я осталась, чтобы поучиться рубить дрова. Успехи были не ахти. Ночью плохо спала и решила, что если не научусь рубить дрова и топить печь, то и инженером никогда не стану. Тяжело далась мне эта наука, но я справилась. И приехав летом в отпуск, продемонстрировала родителям своё умение колоть дрова.

Однажды Додя пришел ко мне в выходной день и предложил зайти к нему. Додя жил у дяди. Мне очень хочется рассказать об этом человеке, которому я многим обязана. Жили они на углу Гороховой и Фонтанки в большой коммунальной квартире. Жильцов было одиннадцать, и на двери было одиннадцать звонков. К ним нужно было звонить восемь раз. На кухне одиннадцать маленьких столиков. На каждом примус или керосинка. Додя и Самуил занимали маленькую комнату. Самуил был музыкант, скрипач. Он многие годы работал в оркестре Мариинского театра. Это был пожилой седой человек, судьба которого сложилась трагически. Он был женат и горячо любил единственную дочь. Жена оставила его когда девочке было восемь лет и не разрешала ему навещать ребенка. Он очень страдал и искал всякие способы встретиться с дочерью. Когда мы познакомились, дочь его была моего возраста. Не знаю, это ли было причиной его теплого ко мне отношения или я ему просто понравилась. Он заявил, что Додя от него уходит, и я могу переехать к нему жить ибо это не дело спать под столом и возиться с мальчишками. Я написала об этом домой. Мама тут же приехала в Ленинград. После знакомства с Самуилом она уехала успокоенная, разрешив мне к нему переехать.

Помню, на Сенном базаре мы с Самуилом купили для меня детскую кровать, она была дешевле. Самуил был бедный человек, но добрый, интеллигентный. Забота обо мне как то скрашивала его одинокую жизнь. По своему интересной была жизнь в коммунальной квартире. Собирались на кухне совсем разные люди, но старались быть уважительными друг к другу. Всегда очереди у туалета и ванной. Однако мне всё было хорошо, я всем была довольна. Молодость!

После нескольких месяцев работы уборщицей я получила повышение – меня назначили курьером с окладом шестьдесят рублей. Вот тут то и начались мои мучения! Я должна была вручать повестки и служебные документы людям работающим в разных местах Ленинграда, где шли ремонты квартир и строились дома. Совсем не зная города я не пользовалась трамваем и всюду ходила пешком. Путалась, блуждала, страшно уставала. Запомнился один жаркий день в августе. Был полдень, солнце палило, в расплавленном асфальте застревали каблуки. Мне нужно было вручить бумажку рабочему Хлебникову (до сих пор помню его фамилию), который должен был работать на седьмом этаже. Поднялась по лестнице на седьмой этаж (лифта в доме не было), но никаких рабочих там не оказалось. Кто-то сказал, что ремонтируется квартира на первом этаже. Однако там работа была закончена и меня послали на шестой этаж. Вручив наконец повестку я, мокрая от пота, измученная, села на ступеньках дома и даже заплакала. У мамы сейчас я бы ела блинчики с творогом, думала я, но... нечего распускаться, сказала я себе. Хочешь стать кем-то, держись!

Не помню сколько времени я проработала на канале Грибоедова курьером. Каким —то образом я узнала, что на Выборгской стороне на заводе «русский дизель» набирают учеников для работы на различных станках и принятым предоставляют общежитие.

На завод меня приняли и тут же оформили в комсомол. С работой на станках ничего не получилось и мне предложили работу в комсомольской организации. На заводе было много молодежи. Меня ввели в состав комитета и я должна была собирать членские взносы, писать протоколы и заниматься организационными делами.

Общежитие дали на окраине Ленинграда в Озерках. На трамвае номер двадцать нужно было ехать туда больше часа. В комнате нас было десять. Летом было хорошо, купались в озерах, но зимой в почти неотопливаемой комнате приходилось несладко. Получала я тогда восемьдесят рублей.

Университет

Открылись курсы подготовки в высшее учебное заведение и я на них поступила. В то время окончившим такие курсы или Рабфак можно было поступить в институт. Потом, окончивши университет, я всю жизнь чувствовала некие пробелы в моем образовании. Например, никогда не учивши географию, я не имела понятия не только где расположены разные города, но и страны и континенты.

Днем работала на заводе, вечером училась на курсах. Через год, получив удостоверение об окончании курсов, я с семиклассным образованием подала документы в Ленинградский университет на химический факультет. Товарищи по учебе помогли исправить в метрике возраст, чтобы получилось восемнадцать лет вместо семнадцати. Определенная специальность меня не привлекала, поэтому узнав, что на биологическом факультете меньше претендентов на одно место, я перевела свои документы на биофак и после экзаменов была принята на химико-бактериологический факультет.

Сразу получила общежитие на Мытниковской набережной, где из наших окон видно было Петропаловскую крепость. Комната на четверых на седьмом этаже. Сбылись мои мечты. Я была счастлива!

Это был 1932 год. Жизнь в стране была тяжелой, люди недоедали. Стипендия была сорок рублей, но на руки мы получали талоны на трехразовое питание, два куса мыла (туалетное и простое) и два рубля деньгами. Кормили так: утром винегрет, ломоть хлеба или пшенная каша и кипяток без ограничений. О сахаре и речи не было. В обед щи, в которых картошка редко попадалась, на второе чечевичная каша, кусок хлеба и горчица вволю. Вечером снова винегрет, хлеб, кипяток. Хлеб казался очень вкусным, но мы не всегда разрешали себе его скушать. Часто, завернув его в белую бумажку, мы продавали его на базаре, а на вырученные деньги шли в кино, а иногда и на последний ярус Мариинского театра. А по вечерам, веселые и голодные, бегали по комнатам общежития в поиска завалявшейся у кого-то корочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.